

В. М. Мокиенко

ДРУЖБА И ПСЕВДОДРУЖБА В БАСНЯХ И. А. КРЫЛОВА

В статье анализируются крылатые выражения из басен И. А. Крылова. Обобщается опыт их лексикографического описания в словаре (составители В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко). Специальное внимание уделено концепту «Дружба» в литературном наследии русского баснописца. Демонстрируется амбивалентность и диалектичность аксиологической характеристики этого концепта.

Ключевые слова: крылатые слова, фразеологизмы, пословицы, И. А. Крылов, басни, концепт «Дружба».

Раздумывая о сюжете очередного доклада на ежегодном фразеологическом вече в гостеприимном Гомеле, я перебрал в памяти немало достойных этого славистического форума тем. И, после глубоких раздумий, остановился на концепте «Дружба». Ведь именно сейчас, когда весь мир скован цепями враждебного человечеству ковида-19,

когда привычные и крепкие дружеские узы обратились в неосязаемое дистанционное общение, а жившие ранее в мире и гармонии страны инъекцируются злобой и враждой, нам, фразеологам и паремиологам, самое время громко говорить о *Дружбе* и *Товариществе*. Мы, фразеологи, можем многое сказать *urbī et orbī*, ибо с самого рождения нашей всё еще молодой лингвистической дисциплины в послевоенном Ленинграде культивировали этот концепт.

Наша Фразеология, как известно, родилась в 1946 году на первой послевоенной юбилейной конференции филологического факультета Ленинградского государственного университета. Родилась в лоне доклада академика В. В. Виноградова «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины» [1]). И, как сейчас знает каждый фразеолог, родившись, породила знаковые лингвистические термины: *фразеологическое сочетание*, *фразеологическое единство* и *фразеологическое сращение*. Вдумаемся в эти хрестоматийные термины. Ведь они – символы концепта *Дружба*: слова, как и мы, фразеологи, *сочетаясь, соединяются* друг с другом и, в конце концов, *сращиваются* до неразрывных *единств*.

Именно так с нами, славянскими фразеологами, поступают уже многая лета организаторы нашей Гомельской конференции проф. В. И. Коваль и проф. Е. В. Ничипорчик. И не случайно эта конференция проходит в рамках VIII-й Международной культурно-просветительской программы «Славянские встречи». Я бы добавил к определению *Славянские* еще один эпитет – «Славянские *Дружеские* встречи», ибо концепт «Дружба» всегда витал и витает в этих университетских стенах...

Именно поэтому сегодня я буду говорить Дружбе и Друзьях в контексте басен И. А. Крылова, которого этот концепт, как увидим, занимал всю жизнь.

Все мы, конечно, знаем, что такое Дружба и Друг... Но, заглянув в сакральный для всех нас словарь В. И. Даля, мы обнаружим важные оттенки этих понятий, несколько усредненные современными лексикографами. «**Друг** м. другой, в знач. такой же, равный, другой я, другой ты; ближний, всякий человек другому», – формулирует это слово великий «собирающий слова». И – иллюстрирует его любимыми нами мудрыми паремиями: *Не желай другу, чего себе не желаешь. Любите друг друга, снисходите друг другу* или *друг ко другу, один другого или к другому*» [2, т. 1, с. 1233]. А вот и статья **Дружба** из его словаря: «**Дружба** ж., **дружество** сравн. взаимная привязанность двух или более людей; тесная связь их; в добром смысле, бескорыстная, стойкая приязнь, основанная на любви и уважении; в дурном, тесная связь, основанная на взаимных выгодах» [2, т. 1, с. 1235]. И –

паремиологическая иллюстрация этой амбивалентности нашего концепта: *В дружбе правда. Чаще счет – крепче дружба. Счет дружбе не помеха...*

Вдумаемся в эти толкования, которым уже почти два века. И обнаружим, что в них глубоко имплицирована семантика привычных нам фразеологических терминов: *сочетание, единство* и даже *сращение*... Правда, не слов, а – людей, что, в сущности, еще важнее. И я не случайно привожу эти дефиниции не по 1-му изданию словаря В. И. Даля, а по изданию его гениального редактора – И. А. Бодуэна-де-Куртенэ 1903–1909 гг. – польского русского или русского поляка со звучной французской фамилией. Да ведь и у Владимира Ивановича Даля фамилия была не типично русская, а литературным псевдонимом он избрал сочетание «Казак Луганский», подчеркивая, что он – «малоросс», кровно связанный с Россией, её языком и культурой. Даже в этой, отнюдь не случайной, «малой капле вод» отразилось взаимное тяготение славян даже не славянского происхождения к единству и сращению. Такое же, как на наших «Славянских встречах» в Гомеле.

Конечно, ныне концепт «Дружба» осмысливается в более развернутых ракурсах, диктуемых современными поисками национальной языковой картины мира и когнитивными флюидами. Вот как характеризует его мой покойный друг В. В. Колесов в своем «Словаре русской ментальности» [3, т. 1, с. 227–228]:

ДРУГ – *другой* «я», близкий по духу и мысли и равный делом, способный понять, помочь («друг познается в беде») и принести жертву («для милого дружка и сережку из ушка», и даже «больше той любви не бывает, как друг за друга умирает»).

Социально друзья сильны взаимной дружбой, которая создает **чету** (*другой* как *иной*, т. е. «заединщики»: «друг о друге, а Бог обо всех»), но не **родством**, как **брат**, и не **таинством**, как **брак**, и прежний **враг** может обернуться Д.-ом, а Д. – врагом. Обрести истинного Д.-а – **счастье** и **удача** («не имей сто рублей, а имей сто друзей»), которые нужно заслужить и к которым следует стремиться («нет друга, так ищи, а нашел, так береги»).

♦ Осл. *другъ* ‘спутник, верный товарищ’ (*другой я, сам-друг*); др.-рус. ‘друг’ (968), ‘другой (человек)’ (1257), ‘спутник’ (1338) – от ие. корня в знач. ‘следовать, следующий (за мной в боевом порядке)’.

◇ Д. бескорыстный, близкий, верный, давний, добрый, душевный, единственный, заветный, завистливый, задушевный, искренний, испытанный, личный, лучший, любезный, милый, надёжный, настоящий, неразлучный, преданный, сердечный, старый, хороший.

○ Совр. ‘сторонник, приверженец’, обращение к незнакомому мужчине.

Далее следуют афористически отточенные и философски диалектичные цитации из Флоренского, Франка, Чаадаева, Е. Трубецкого и контекстные иллюстрации Твардовского и Лимонова.

Как видим, здесь амплитуда нашего концепта расширена и он иллюстрируется иными паремиями, чем в словаре В. И. Даля. Но основной семантический «генератор» этого концепта остается далевским: Друг – это «другой я», равный мне...

Понятно, что концептосфера «Дружбы» во все времена влекла к себе каждого человека и запечатлевалась как в фольклоре, так и в литературе и искусстве. У каждого писателя она обретает и свою собственную оттеночность, в зависимости от жизненного опыта, социальной обусловленности и собственных дружеских отношений.

Для доклада в Гомеле я избрал творчество русского баснописца И. А. Крылова. Выбор, как всем понятно, не случаен: ни у какого другого писателя народный колорит, запечатленный в пословицах и поговорках, не проступает столь отчетливо, как у «дедушки Крылова». И при этом, как и у А. С. Пушкина, народность в его баснях органически сплетается с европейскостью. Но этот выбор связан с еще двумя обстоятельствами, пожалуй, субъективного характера. 13 февраля 2019 года исполнилось 250 лет со дня рождения нашего баснописца. Юбилей прошел без излишней помпы, но с должным вниманием к этой знаменательной дате. Так, в Петербургском университете им. А.И. Герцена ей была посвящена конференция и издан фундаментальный сборник статей. Второе же обстоятельство – моя многолетняя

дружба с профессором этого университета Константином Павловичем Сидоренко. В соавторстве с ним мы, подобно И. Ильфу и Е. Петрову, написали несколько книг: словарь крылатых выражений А. С. Пушкина [4], А. С. Грибоедова [5], И. Ильфа и Е. Петрова (в печати). К составлению каждого словаря нужны, как знают все лексикографы, многие годы подготовки и ежедневный каторжный труд. И к составлению нашего словаря крылатых выражений И. А. Крылова [6], мы начали готовиться за 10 лет до юбилея баснописца в 2019 году. Это был нелегкий, но благодарный труд, подобный детективным розыскам. Ведь многие крылатые «крыловизмы» были подобны палимпсесту, текстологическое развертывание которого требовало не только догадки, но и погружения в толщи славянского и европейского фольклора и античных басенных сюжетов. И, работая над этим, нашим очередным словарем русской «крылатики», мы вкушали плоды концепта «Дружба», ибо ничто так не сближает людей, как общий творческий труд. И последняя версия словаря была издана за год до 150-летнего юбилея И. А. Крылова.

Наследие баснописца, конечно же, досконально изучено и хрестоматийно. 236 басен, уже при его жизни собранные в девять сборников (1809–1843 гг.), стали, с одной стороны, энциклопедией русской народной жизни, а с другой – вратами в европейскую культуру и литературу, ибо сюжеты некоторых из его басен восходят и к басням Эзопа, Федра, Бабрия и Лафонтена. Крылатыми же фразы И. А. Крылова стали благодаря живой народной русской речи, на которой говорят его герои, «неделимости» слияния разговорной и книжной стихий в его творчестве. Яркий и меткий язык, сатирическая острота, направленная на обличение социальных и человеческих пороков, демократический дух – всё это сделало творчество баснописца бессмертным.

При этом злободневность басенного творчества И. А. Крылова гармонично перекликается с его культурологической значимостью. Ведь в баснях отражены многие типичные фрагменты традиционной жизни России, которые можно свести в культурологические доминанты [7]. Они образуют 11 основных тематических циклов, актуальных для лексико-фразеологической системы баснописца: 1. Реалии русского быта. 2. Национальная русская кухня. 3. Деньги. 4. Имена. 5. Профессии. 6. Семья, родня. 7. История.

8. Политика. 9. Пословицы и поговорки. 10. Культурологические реалии и их перевод. 11. Библия. И в рамках этих доминант рельефно вырисовываются концептуальные стержни, достойные специального исследования.

Один из них – именно концепт «Дружба». Он представлен во многих баснях И. А. Крылова, образуя своеобразные семантические циклы.

Вот статистика употреблений нашего концепта в крылатых выражениях из басен И. А. Крылова (по материалам нашего словаря: Мокиенко, Сидоренко 2018), представленная 35 относительно устойчивыми единицами:

ДРУЖБА – 12 крылем:

В дружбе все они едва ль не одинаки: послушать, кажется, одна у них душа; В ком сердце так сотворено, что дружбы, ни любви не чувствует оно; Когда корысть себя личиной дружбы кроет, она тебе лишь яму роет; Корысть себя личиной дружбы кроет; Но в дружбе что за счет? котел горой за свата; О хude, о добре и, наконец, о дружбе; Равенство в любви и дружбе вещь святая; С разбором выбирай друзей, когда корысть себя личиной дружбы кроет; Случалось часто мне слышать напраслину, что будто б дружбы нет глупее и скучнее; Собачья дружба; Услуга в дружбе вещь святая; Читатель, басни сей мысль самая простая: что равенство в любви и дружбе.

ДРУЖИТЬ – 2 крылемы:

И нечему дивиться: как дереву с огнем дружить; Как дереву с огнем дружить.

ДРУГ – 15 крылем:

Анюточка, мой друг; В море без тебя, мой друг, воды довольно; Друзья! к чему весь этот шум; Не трепещися так; не будь, мой друг, упрям; Великий краснойбай, названный друг природы, недоученный философ; Друг без друга они не ели и не пили; Другу с дерева

бросал одни скорлупки; И у друга на лбу подкарауля муху, что силы есть – хватя друга камнем в лоб; Лучший друг и нем, и глух; На языке легка и ласка и услуга; но в нужде лишь узнать прямого можно друга; Но в нужде лишь узнать прямого можно друга; У друга на нос муха села; Федюша сам вверху каштаны убирал, а другу с дерева бросал одни скорлупки; Хватя друга камнем в лоб; Что силы есть – хватя друга камнем в лоб.

ДРУЖОК – 3 крылемы:

Дружок, напрасно, смотря на собачку, ты вздумал, что тебе я также дам потачку; Послушай-ка, дружище, ты, сказывают, петь великий мастерище; Дружня шерсть.

ПОДРУГА – 3 крылемы:

Зачнет считать своих подруг; Подруга каждая тут тихо толк подругу; Тихо толк подругу.

Легко увидеть, что семантически компоненты-скрепы этих выражений не представляют единства. Парадоксально, но большинство из них распределяется по оси «Положительная оценка Дружбы – Отрицательная оценка Дружбы» не в пользу первого полюса оппозиции: положительные коннотации отражены в 8 крылатых выражениях, а отрицательные – в 18:

1. В дружбе все они едва ль не одинаки: послушать, кажется, одна у них душа; Но в дружбе что за счет? котел горой за свата; О хude, о добре и, наконец, о дружбе; Равенство в любви и дружбе вещь святая; Услуга в дружбе вещь святая; Читатель, басни сей мысль самая простая: что равенство в любви и дружбе; На языке легка и ласка и услуга; но в нужде лишь узнать прямого можно друга; Но в нужде лишь узнать прямого можно друга.

2. В ком сердце так сотворено, что дружбы, ни любви не чувствует оно; Когда корысть себя личиной дружбы кроет, она тебе лишь яму роет; Корысть себя личиной дружбы кроет; С разбором выбирай друзей, когда корысть себя личиной дружбы кроет; Стучалось часто мне слышать напраслину, что будто б дружбы нет глупее и скучнее; Собачья дружба; И нечему дивиться: как дереву с огнем дружитья; Как дереву с огнем дружитья; Другу с дерева бросал одни скорлупки; И у друга на лбу подкарауля муху, что силы есть – хватя друга камнем в лоб; Лучший друг и нем, и глух; У друга на нос муха села; Федюша сам вверху каштаны убирал, а другу с дерева бросал одни скорлупки; Хватя друга; Что силы есть – хватя друга камнем в лоб; Зачнет считать своих подруг; Подруга каждая тут тихо толк подругу; Тихо толк подругу.

Конечно же, такая статистическая неравноположенность относительна, ибо в контексте конкретных басен положительная и отрицательная оценка Дружбы мутирует, как, например, в басне «Пустынный и Медведь», где услужливый, но глупый друг оказался опаснее врага, оказав медвежью услугу, охраняя спящего друга от назойливой мухи ударом камнем в лоб. Тем не менее, при всей статистической относительности такого соотношения, оно демонстрирует диалектичность концепта «Дружба» у И. А. Крылова. Оно отражает объективное противопоставление истинной, бескорыстной Дружбы Псевдодружбе, корыстной дружбе, т. е. дружбе, нарушающей одну из паремий, заложенной в дефиницию этого слова В. И. Далем: *Чаще счет – крепче дружба*. Следовательно, второй ряд оппозиции укладывается в определение В. И. Даля «в дурном» смысле – как «тесная связь, основанная на взаимных выгодах». Увы, все мы – свидетели и такой оборотной стороны нашего концепта.

Не все лексические его воплощения, правда, укладываются в вышеозначенную оппозицию. Некоторые из них, выполняя функцию обращения, в некоторой степени десемантизированы:

Анюточка, мой друг; В море без тебя, мой друг, воды довольно; Друзья! к чему весь этот шум; Не трепещися так; не будь, мой друг, упрям; Дружок, напрасно, смотря на собачку, ты вздумал, что тебе я также дам потачку; Послушай-ка, дружище, ты, сказывают, петь великий мастерище.

Некоторые из таких лексем, десемантизовавшись, вернулись грамматически «во круги своя», т. е. вновь обрели функцию местоимения: *Друг без друга они не ели и не пили.*

А некоторые утратили антропоморфные характеристики и обрели абстрактную «экологическую» семантику: *Великий красной, названный друг природы, недоученный философ*.

Над отдельными примерами, связанными с концептом «Дружба», мы глубоко задумывались, ибо они представляли собой не столько концептуальную, содержательную, сколько лингвистическую загадку. Так, фраза *Стоять горой за дружню шерсть* из басни «Собачья дружба» гипнотизирует нас своей языковой архаикой. Не случайно А. А. Шахматов в своем «Синтаксисе русского языка» привел ее с комментарием:

«Неличные формы нередки у поэтов» [8, с. 162].

Таких загадок в процессе составления словаря нам с К. П. Сидоренко пришлось разгадывать немало. И многим из крыловских паремий мы посвятили отдельные очерки: *Хоть видит око, да зуб неймет* [9]; *Хоть ты и в новой коже, а сердце у тебя все то же* [10]; *В семье не без урода* [11]; *А дуги гнут с терпеньем и не вдруг* [12]; *Чудес палата* [13]; *Гори все огнем* [14] и др. И мы, разгадывая их, вспоминали знаменитый афоризм А. С. Пушкина: «Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!». Такими поэмами для нас со школьных лет стали басни «Дедушки Крылова». Многому они нас научили – в том числе и тому, как отличать истинную *Дружбу* от корыстной, коварной. Такой, которая обнажается при первом же дележе добычи или даже расчете на нее. Именно такую псевдодружбу описал И. А. Крылов во всем известной басне «Собачья дружба», где Полкан с Барбосом, насытившись, завели беседу о том, чтоб «в дружнем счастье всё свое блаженство ставить», подражая мифологическим Оресту и Пиладу. Но как только повар кинул им кость, «друзья» (в кавычках) сцепились так, что «только клочья полетели», пока их насилиу разлили водой...

Мораль басни поучительна и сейчас:

Свет полон дружбою такую.

Про нынешних друзей лъзя молвить, не греша,

Что в дружбе все они едва ль не одинаки:

Послушать, кажется, одна у них душа,—

А только кинь им кость, так что твои собаки!

Поучительна, хотя басня впервые напечатана в далеком 1815 году. Давно, но в политических обстоятельствах, очень напоминающих нынешние. Баснописец намекает в этой басне на тогдашние политические события в Европе. На Венском конгрессе, собравшемся после победы над Наполеоном в начале 1815 г., противоречивые интересы союзников столкнулись настолько, что назрела возможность военного конфликта. И европейская «собачья дружба» едва не привела к новой военной катастрофе.

Увы, времена меняются, но басенные и паремиологические истины сохраняют свою актуальность – на то они и истины. Тем не менее, как и каждая истина, и эта амбивалентна и диалектична – не случайно Иисус задавал Пилату свой вечный вопрос: «Что есть истина?». Мы, фразеологи и паремиологи, тоже не можем на этот вопрос ответить перпендикулярно. Но одно мы знаем твёрдо: у политиков – одна Истина (наверное, – *псевдо*), у нас – иная (возможно, – *истинная*). Поэтому концепт «Дружба» у нас, участников Гомельской фразеологической конференции, окрашен лишь в положительные тона. В те тона, которые сегодня созвучны со словами героя повести русскоязычного писателя из Малороссии Н. В. Гоголя:

«Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество... Все взяли бусурманы, все пропало... Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек...»

Мы, фразеологи разных стран и городов, породнились не по крови, а родством фразеологической души. И потому концепт «Дружба» нас всех *сочетает* и *единит*. И даже делает фразеологическими *сращениями*. Благодаря нашим белорусским *сябрам*

– слову, которое в словаре Ивана Ивановича Носовича, опубликованном уже полтора века назад в Санкт-Петербурге, значит и ‘друг’, и ‘сотоварищ’, и ‘родственник, брат’ [15]. Такова мощь и долговечность славянского концепта «Дружба».

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс / The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 20-68-46003 “The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse”).

Аффилиация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» / Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin”.

Список использованных источников

1. Виноградов, В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов // Труды юбилейной научной сессии Ленинградского гос. ун-та. 1819–1944. Секция филол. наук. – Л. : Изд-во Ленингр. ордена Ленина ун-та, 1946. – С. 45–69.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – изд. 3-е, исправленное и значительно дополненное / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – Тт. 1–4. – М., 1903–1909; 4-е исправленное и значительно дополненное издание / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – Тт. 1–4. – СПб.–М., 1912–1914. Перепечатка: М. : «Прогресс», 1995.
3. Колесов, В. В. Словарь русской ментальности : в 2 т. / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. – СПб. : Златоуст, 2014. – Т. 1 : А–О. – 592 с.; Т. 2 : П–Я. – 592 с.
4. Мокиенко, В. М. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. – СПб.–М. : Издательский Дом «Нева», 2005. – 800 с.
5. Мокиенко, В. М. Большой словарь крылатых выражений А. С. Грибоедова («Горе от ума») / В. М. Мокиенко, О. П. Семенец, К. П. Сидоренко / под общ. ред. К. П. Сидоренко. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. – 800 с.
6. Мокиенко, В. М. Крылатые слова басен Ивана Андреевича Крылова. Словарь / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2018. – 796 с.
7. Мокиенко, В. М. И. А. Крылов на перекрестке эпох: традиции и инновации / В. М. Мокиенко // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике. III Международная научно-практическая конференция, посвященная 20-летию РАУ. 24–26 сентября 2017 г. Сборник научных статей. – Ереван : Изд-во РАУ, 2018. – С. 107–118.
8. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов ; вступ. ст. Е. В. Клобукова ; ред. и коммент. Е. С. Истоминой. – 3. изд. – М. : УРСС, 2001. – 620 с.
9. Мокиенко, В. М. Из истории крылатых выражений И. А. Крылова. 1. (*Хоть видит око, да зуб неймет*) / В. М. Мокиенко // Слово, фразеологизм, текст в литературном языке и говорах. Памяти профессора Р. Н. Попова. – Орел : Орловский гос. ун-т, 2010. – С. 108–113.
10. Мокиенко, В. М. Из истории крылатых выражений И. А. Крылова. 3. (*Хоть ты и в новой коже, а сердце у тебя все то же*) / В. М. Мокиенко // Фразеологические чтения памяти профессора Валентины Андреевны Лебединской. К 70-летию со дня рождения. – Вып. 5. Сборник материалов Международной научной конференции 2–3 марта 2011 года. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. – С. 211–215.
11. Мокиенко, В. М. Из истории крылатых выражений И. А. Крылова. 4. (*В семье не без урода*) / В. М. Мокиенко // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания : Юбилейный сб. научн. трудов к 65-летию Н. Ф. Алефиренко / сост. И. Г. Паршина, Е. Г. Озерова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – С. 217–227.
12. Мокиенко, В. М. Из культурологических комментариев к басням И. А. Крылова (*А дуги гнут с терпением и не вдруг*) / В. М. Мокиенко // Русистика и современность. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. 29 сентября – 1 октября 2011 года. Том 1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, изд-во «Северная звезда», 2011. – С. 285–292.
13. Мокиенко, В. М. «Петербургская Чудес палата у И. А. Крылова» (комментарий к басне) / В. М. Мокиенко // Петербургский дискурс : юбилейный сборник в честь профессора

Дины Михайловны Поцепни. – СПб. : Изд. дом «Мир русского слова», 2013. – С. 151–167.

14. Мокиенко, В. М. Фразеология как составная часть текста (из фразеопотребления И. А. Крылова) / В. М. Мокиенко // Text a kontext. Květušě Lepilová a kol. – Brno : Masarykova univerzita Brno. Filozofická fakulta, 2013. – С. 49–56.

15. Насовіч, І. І. Слоўнік беларускай мовы / І. І. Насовіч. – СПб, 1870. – 792 с.

The article analyzes the winged words of the fables of I. A. Krylov. The experience of their lexicographic description in the dictionary (compiled by V. M. Mokienko, K. P. Sidorenko) is generalized. Special attention is paid to the concept of “Friendship” in the literary heritage of the Russian fabulist. The ambivalence and dialectic character of the axiological characteristics of this concept is demonstrated.

Keywords: winged words, phraseological units, proverbs, I.A. Krylov, fables, concept “Friendship”.

